

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373.21

ИЗ ТОПОНИМИИ АВАРО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ (СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА)

М. А. Магомедов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Рассматриваются вопросы, связанные с исследованием грамматической структуры и семантики местных названий (топонимов) носителей аварского и андийских языков в ареале их исторического проживания.

Issues related to the study of the grammatical structure and semantics of place names (toponyms) coming from the Avar and Andi languages in the area of their historic residence are considered.

Ключевые слова: аваро-андийские языки, топонимия, этимология, ассимиляция.

Keywords : the Avar and Andi languages; place names; etymology; assimilation.

По своему происхождению топонимы могут быть разделены на сложившиеся в процессе естественноисторического развития и созданные сознательно. Исторически сложившиеся топонимические системы обычно неоднородны и объединяют материал нескольких языков, отложившийся в топонимии в различные исторические эпохи.

Топонимия помогает восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области былого распространения языков, географию культурных и экономических центров, торговых путей. В результате интенсивного освоения земель, урбанизации многие географические имена предаются забвению, появляются новые. Коренное население становится двуязычным, наряду с родным языком пользуется русским. Поэтому всестороннее выявление существующих и существовавших онимов становится особо актуальным. Географические названия, особенно древние, являются своего рода историческими памятниками, так как в них отразились социальные отношения предыдущих эпох, особенности этнографии, быта, и главное – язык соответствующей эпохи со всеми его чертами.

Топонимические исследования (как и ономастические в целом) в Дагестане имеют сравнительно небольшую историю. Можно отметить работы С.М. Хайдакова по лакской, арчинской, табасаранской, аварской, чамалинской топонимии, И.Х. Абдуллаева по общедагестанской и отдельно по лакской ономастике, Р.И. Гайдарова по лезгинской ономастике (в том числе и микротопонимии и ойконмии), Ш.И. Микаилова и К.Ш. Микаилова по общедагестанской и отдельно по аварской ономастике. Примером блестящего этимологического анализа топонимического материала являются статьи И.Х. Абдуллаева «К истории ойконима Дусрах» (1996); «К истории этнонимов лезг и лак» (1971) (в соавт. с К.Ш. Микаиловым).

В 1971 г. в результате усилий выдающегося ономатолога, руководителя группы ономастики Института этнографии РАН В.А. Никонова в Махачкале был проведен первый Кавказский ономастический семинар, в котором приняли участие ученые из различных регионов России. Материалы семинара были изданы в 1976 г. под названием «Ономастика Кавказа».

Отделом лексикологии и лексикографии были изданы два сборника по ономастической лексике дагестанских языков под названием «Дагестанская ономастика» (1991, 1996), в которых опубликованы статьи в основном сотрудников Института ЯЛИ ДНЦ РАН (преобладают статьи по топонимии).

В Дагестане было издано несколько справочников по географическим названиям и терминам (Розова Л.И. Инструкция по передаче географических названий (1959); Алиев С.Д. В помощь краеведу Дагестана (1964); Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Дагестанской АССР (1972)).

Были изданы и словари личных имен (Сафаралиева Э.Я. Как тебя зовут? (1987; 1994); Абдулмуталибов Н.Ш. Словарь лезгинских личных имен (2004); Багомедов М.Р. Словарь даргинских личных имен (2006). Топонимия нашла отражение в работах географов (Ханмагомедов Х.Л. Топонимы Дагестана (1990); Словарь топонимии юго-восточного Дагестана (1998); Магомедов И.Г. Географические названия внутригорного Дагестана (1994) и т.п.).

Топонимию Юго-Западного Дагестана в ареале проживания аварцев, а именно Хунзахского, Унцукульского, Гумбетовского и в определенной степени Гергебильского, Шамильского и Гунибского районов в значительной своей части составляют собственные имена, значение которых непонятно носителям аварского языка и этимологизируются только при помощи материала андийских языков. Е.М. Шиллинг [1] пишет, что «андийцев на запад потеснили собственно аварцы Хунзахского плато». Здесь Е.М. Шиллинг не уточняет, когда это могло произойти, не очерчивает хотя бы приблизительные хронологические рамки. Видимо, он и не ставил перед собой такую цель. Вместе с тем известно, что это должно было происходить не позднее IV–V вв. нашей эры, так как после этого времени границы территорий основных народностей существенно не менялись [2]. Период распада аваро-андийской языковой общности относят к периоду начала нашей эры, когда прааваро-андийский язык, который в свою очередь в более ранний период был диалектом пранахско-дагестанского языка, начал распадаться на диалекты, которые со временем постепенно оформились как самостоятельные языки.

М.А. Агларов [3, с. 18 и далее] на основе разнообразных источников (древние авторы, современные исследователи) обрисовывает картину происхождения и места обитания как самих андийцев, так и других народностей этого региона. Он здесь еще раз возвращается к этногенезу андийцев (об этом написано и в его более ранних работах). Во-первых, ассирийские источники (торжественная надпись ассирийского царя Саргона II) упоминают андийцев юго-западнее Каспийского моря, не уточняя более конкретно. Торжественная надпись царя Саргона II гласит: «Я завоевал страну Телусины Андия (у М.А. Агларова – андийца. – М.М.), захватил в этой стране 4 200 жителей и их скот» (ссылка на Дьяконова, 1951, № 2–9). Во-вторых, в этой работе отмечается скептическое отношение Л.И. Лаврова к мнению

М.А. Агларова, к сопоставлениям, основанным на случайных созвучиях территориально отдаленных друг от друга этнонимов. Однако М.А. Агларов подчеркивает, что приходится воспринимать то, что есть, как данность, пока не доказано обратное. При этом он говорит, что упоминаемые Плинием Старшим андаки жили примерно в тех же местах, что и нынешние андийцы. Здесь же можно вспомнить и встречающееся в надписях Саргона II упоминание страны под названием Куммух, созвучие которого с известным населенным пунктом лакцев вызывало неадекватную реакцию некоторых дагестанских исследователей.

Укажем на некоторые нестыковки в местах локализации андийцев и других народностей, упоминаемых в разных источниках. Во-первых, по Е.М. Шиллингу, часть андийских народностей была ассимилирована аварцами, пришедшими с юга. Во-вторых, по Саргону II, андийцы находились намного южнее, чем они живут теперь. Если аварцы ассимилировали их, приходя с юга, то аварцы должны были располагаться тогда еще южнее, чем андийцы. По-видимому, не следует говорить об андийцах обособленно от других андийских народностей. Этому есть несколько причин. Во-первых, андийские языки настолько близки друг другу генетически, что считаются близкородственными. Они имели один праязык, период распада которого относят, как уже было сказано, примерно к началу нашей эры. По-видимому, аварский язык отделился от андийских несколько ранее, так как близость андийских языков между собой несколько выше, чем каждого из них к аварскому языку. Можно сказать, что во времена Саргона II самостоятельные андийские языки еще не сформировались, андийцы могли представлять собой этнографические группы общего аваро-андийского народа, но уже с собственными этнонимами, территорией и прочими атрибутами, кроме собственного языка, который сформировался позднее.

Что представляет собой, на наш взгляд, аварское название андийцев *гІандал* и в каком соотношении оно находится с самоназванием андийцев *гъІваннал*? Как от-

мечает И.Х. Абдуллаев [4, с. 6], «использование и употребление нескольких различных основ в качестве названия одного и того же населенного пункта в языках Дагестана нередкое явление. Это обусловлено и многоязычием края, и процессами взаимовлияния и взаимодействия языков, и посредством двух и более языков при передаче какого-нибудь названия с одного языка на другой, в особенности на русский язык, а эта форма становится официальной (в русском языке) и «внедряется» в обратном направлении в языки Дагестана. К примеру, ботл. Буйхе «Ботлих» по-аварски передано в виде *Болъихъ*, а от последней получены рус. *Ботлих* и лак. *Бушихъи* < **Бухъхъихъи* / < *Болъльихъ*» [4]. Находятся ли в таком же соотношении андийское *гъИваннал* и аварское *гИандал*? К названию, встречающемуся у античных авторов, ближе именно аварская форма, а не собственно андийская. М.А. Агларов пишет: «Присутствие форманта **д** в этнониме, приведенном в надписи Саргона II – «андийцы», характерно для образования множественного числа в аварском – это любопытный факт, который наводит на мысль: не авароязычному ли этносу или самой андийско-аварской праязыковой общности был характерен суффикс, как он ныне сохраняется в нижеандийском диалекте как *къвандал*? На данной стадии эти вопросы могут быть только задаваемы» [3, с. 19].

В андийском языке отсутствует фарингальный звонкий спирант **гИ**, ему закономерно соответствуют ларингальные спиранты **гъ** и **ъ**, например: авар. *гИункИкИ* «мышь» – анд. *гъинкИкИу*, авар. *ваццгИал* «двоюродный брат» – анд. *ваццЪ¹ал* и т.д. Здесь следует сказать, что топооснова **гИан** имеет место в нескольких топонимах на территории Гунибского, Гумбетовского и других районов. Один из них – известное название андалальского общества *гИандалал*. *ГИанди* «Анди» и *гИандалал* «андалальцы» – это не только созвучия, это не только однокоренные слова, но и формы, имеющие схожую семантику. *ГИанди* – это название одного села, а *гИандалал* – название вольного общества. Они находятся в иерархии типа общее – частное. Следует сказать, что понятие «андалальцы» из речи современных аварцев практически вытеснено понятием «гунибцы» и известно даже не всем андалальцам. В истории аварцев данное вольное общество с центром в Согратле играло значительную роль, так как оно было одним из крупных образований на территории Дагестана. Сюда входили села Чох, Ругуджа, Куяда, Бухты, Кегер, Обох и др.

Так, названия *гИанди* и *гИандалал* находятся в такой же иерархии, как *Хьиндахъ* «Хиндах» и *хьиндалал* «хиндалальцы». Первое – это название конкретного села, непременно находящегося у воды. Оно содержит общедагестанский корень, обозначающий воду, имеющий такие параллели, как общеандийский *лълъен(и)*, *лълъин*, дарг. *шин*, лак. *шин*, таб. *шар*, *шад*, *шед*, агул. *хъед*, *шед*, рутул. *хъ`ед*, лезг. *йад* и т.д. Второе – *хьиндалал* объединяет людей, живущих в речных долинах и имеющих схожий хозяйственный уклад. Данным термином обозначаются жители сел, расположенных на берегах Аварского и Андийского Койсу. В андийском языке он превратился в этноним. Андийцы называют аварцев *хьиндалол*, имея в виду, что аварцы живут в речных долинах, в отличие от них самих, живущих выше. Действительно, аварцы, живущие рядом с андийцами, расположены территориально намного ниже них и занимаются, в отличие от верхнеандийцев, преимущественно садоводством, а не скотоводством и хлебопашеством. Примечательно, что верхнеандийцы не называют нижеандийцев, т.е. жителей сел *КванххидалИ* и *Муни*, *хьиндалол*, хотя они также являются садоводами. Таким образом, в андийском языке термин *хьиндалал* из географического превратился в этноним, при этом он сохранил и свою этимологию – как «жители речных долин».

Если сопоставить названия *гИандáл* и *гИáндалал*, *хьиндáл* и *хьинáндалал*, видно, что при образовании собирательного названия ударение переходит на первый слог, что в целом характерно для аварского языка. Легко выяснить, что формы *ГИанди́* и *гИáндалал* имеют общий корень **гИан**. Выясняется, что формант **д** в форме *ГИанди́* является суффиксом косвенной основы, а не множественного числа, как считает М.А. Агларов, потому что названия населенных пунктов – это формы,

¹ Знак **Ъ** мы в данной работе используем для обозначения ларингального смычного согласного.

стоящие в одном из местных падежей. Морфемная структура аварского языка предполагает, что суффиксы косвенной основы имеют не моноконсонантное оформление, т.е. они состоят преимущественно не из одного согласного, а имеют сопровождающий гласный (в данном случае это гласный **и**). В таком случае приходится говорить, что форма *ГТанди́* оформлена как форма хунзахского диалекта без конечного показателя местного падежа. Представители салатавского диалекта, т.е. непосредственные соседи андийцев, ботлихские, гумбетовские аварцы говорят не *ГТанди*, а *ГТандиб*, подчеркивая, что в конце имеется формант местного падежа со значением «внутри чего-то».

Кроме того, данный суффикс косвенной основы (не только в форме *ГТанди́*) обозначает нахождение «внутри чего-либо», «в плотном окружении чего-либо», напр. *кТал* «рот» – *кТал-ди-б* «во рту», бер «глаз» – *ба-ди-б* «в глазу» и т.д.

Какое же географическое расположение имеет село *ГТанди́*? Действительно, андийские села и само село Анди находятся у самого основания широкой котловины. Их окружают горы с крутыми склонами, преимущественно без скал. Таким образом, в слове *ГТанди́* топоосновой является **гТан**, которая далее не изменяется при словоизменении. Микротопонимы, схожие по форме с *ГТанди*, имеют место и в селах Гунибского района: с. Ругуджа (*ГТанада* (лок. I) *майдан* «Площадь Анада»), с. Куллаб (*ГТанада* (лок. I) «Анада», *ГТандима* (лок. I) *гъарГи* «Равнина Анди»), с. Гонида (*ГТанди* (лок. V) *ицц* «Родник Анди»), в с. Арадерих Гумбетовского района (*ГТандяла* (лок. I) «Анди»). Что же они обозначают? Это – географические термины, не связанные с этнонимом, как *ГТанди́*, но они имеют общее происхождение и общий корень **гТан**. Как известно, при словоизменении в аварском языке происходит аблаутное чередование гласных. Понятно, что в именительном падеже исходная форма от **гТан** может и не иметь в корне гласный **а**. Довольно трудно искать исходную основу, зная только косвенную. Например, если бы вдруг исчезла из аварского языка форма *тТегъ* «цветок», а сохранилась бы только косвенная основа *тТогъо-*, восстановить ее было бы очень трудно, так как аблаутные чередования имеют нерегулярный характер и не подчиняется каким-либо закономерностям. Приходится искать форму именительного падежа, близкую по семантике с косвенной основой. Такой формой (топоосновой), с которой связываются все топонимы с основой **гТан** (т.е. *ГТанди*, *гТандалал* и другие выше названные), является форма *гТано* «скула (мн. ч. *гТана-би*). Почему именно «скула»? Думается, здесь имеет место семантика крутизны, направленности вниз (ср. авар. *ГТанабздаса гъоркъе валагъизе* («смотреть вниз», букв. «со скул вниз смотреть»). Андаляльские села расположены на крутых склонах, а андийские – у подножия крутых склонов, которые имеют более спокойный рельеф. Что же касается этимологии самоназвания андийцев *гъТиваннал*, то оно, по мнению М.А. Агларова [3, с. 113], не имеет удовлетворительной расшифровки. Правда, он говорит только о названии села *ГТанди́*, а не всех андийцев, но это сути не меняет, так как самоназвание андийцев идет от названия села *ГТанди́* как самого крупного населенного пункта, причём для ботлихских и гумбетовских аварцев андийцы – это жители только сел. *ГТанди*, а не все андийцы.

Говоря об андийской микротопонимии на территории Хунзахского, Гумбетовского и Унцукульского районов, в первую очередь обращают на себя внимание, естественно, названия крупных населенных пунктов. Ближайшие соседи андийцев – это жители Ботлихского и Гумбетовского районов. Гумбетовский район в диалектологическом отношении неоднороден. По территории района протекает река Андийское Койсу, которая, как естественная граница, послужила образованию разных диалектов. Левобережье этой реки – это салатавский диалект, правобережье – хунзахский диалект, причём хунзахский диалект заключен между двумя реками – Аварским и Андийским Койсу и не выходит за эти границы. В аварском языке лексемы *гТор* «река» и *гТорхъи́* // *гТурхъи́* «граница» имеют общий корень. Реки Аварское Койсу и Андийское Койсу в среднем и нижнем течении непреодолимы и являются естественными границами языков и диалектов. (Кстати, такое же положение наблюдается и по реке Самур на юге Дагестана.) Жители сел, расположенных в относительной близости друг от друга, но по разные стороны данных рек, говорят на разных языках и диалектах. Например, чамалинцы расположены на левобережье р. Андийское Койсу, а багвалинцы и тиндинцы – на правобережье, с. Чирката Гумбетовского района (сала-

тавский диалект) – на левобережье, а с. Ашильта Унцукульского района (хунзахский диалект) – на правобережье, с. Ирганай Унцукульского района – на правобережье, а Балахани этого же района – на левобережье. Исключение составляют села Гимры (Генуб) Унцукульского и Нижний Арадерих (*Гъоркъияб Гъарадерихъ*) Гумбетовского районов. Речь первого относится к хунзахскому диалекту, но оно расположено на правобережье Аварского Койсу, в то время как села хунзахского диалекта расположены на левобережье данной реки. Речь второго относится к салатавскому диалекту, но оно расположено на правобережье Андийского Койсу, на территории хунзахского диалекта. На этом основании можно говорить, что первое село первоначально находилось на левобережье, а второе – на правобережье указанных рек. Об этом косвенно свидетельствуют исторические предания, в которых говорится, что жители относительно крупных сел этого региона *Инххо* и *Игъали* сожгли много близлежащих мелких сел и, изгнав их население, захватили его земли.

Впервые этимология некоторых населенных пунктов была осуществлена Ш.И. Микаиловым [5]. Так, название с. *МельелтIа* «Мехельтта» – центра Гумбетовского района – свободно этимологизируется с андийского как «расположенное на солнечной стороне склона», где *милъи* – общеандийское «солнце». Здесь следует подчеркнуть, что отличить собственно андийское от общеандийского практически невозможно и говорить, что название *МельелтIа* происходит от андийского или ботлихского, чамалинского или другого андийского языка, бессмысленно. Единственно, что собственно андийцы расположены к мехельтинцам ближе остальных².

Андийское название мехельтинцев *милъийол* «солнечносторонние» соответствует аварскому *бакъдассел* (от ав. *бакъ* «солнце»). Еще раз нужно подчеркнуть, что невозможно установить (или очень трудно установить) какого именно андийского языка микротопонимия имеет место в конкретном аварском населенном пункте, так как все андийские языки довольно близки друг другу и топонимообразующие лексемы – это лексемы общеандийского лексического фонда с почти идентичным звучанием. М.А. Агларов [6, с. 62] этимологизирует названия некоторых населенных пунктов: *Гъадари* (Гумбетовский р-н), от анд. *гъадор* «речка», ему соответствует аварское *ЛъаратIа* «Тлярата, Наречное». *Шабдухъ* (Гумбетовский р-н) от анд. *щеп* «крепость, башня» – аварское соответствие *Сивухъ, Сиюхъ*, сравн. *си* «башня» (косв. основа *сиву-*) (Гумбетовский и Хунзахский р-ны); *Инххо* (Гумбетовский р-н) от анд. *инххи* «поток», «река» (здесь – общеаваро-андийская основа); *Игъали(б)* «Игали» (Гумбетовский р-н), от анд. *игъа* «войско, общество», *ли-б* – суф. косв. основы + суф. локатива; ср. аварское *бо* в том же значении; *Лъанлъари* «Тантари» (Гумбетовский р-н), от анд. *лъен лъеру* «около воды»; *ЧиркъатIа* «Чирката» (Гумбетовский р-н), от анд. *чIир* «порох, селитра» *къотIи* «добывать» и др. На Хунзахском плато он же [6, с. 63; 3, с. 22] дает этимологию названия населенного пункта *БакъайчIи* «Батлаич» как «хлев, хутор». Этимологии М.А. Агларова не всегда безупречны. Вызывают сомнения *Лъанлъари, ЧиркъатIа*, так как они не учитывают структуру и звуковой облик топонима. Так, в форме *ЧиркъатIа* нельзя выделять формант *къотIи* или ему подобный, так как конечный *-тIа* – это формант местного падежа, обозначающий нахождение объекта над чем-то. Кроме того, неправильным является выделение андийского форманта местного падежа *чIу* или *чIи* наряду с ойконимами *ГIуркIачIи* и *ГIахъалчIи* (у М.А. Агларова *гIаркIачIи, гIахъачIу*) и в формах *ГIочIло* и *МочIохъ* (Хунзахский р-н). Здесь элемент *чI* относится к корню, а не к основе и не является, естественно, формантом местного падежа.

² Здесь хочется отметить, что термины «андийский язык» и «андийские языки» не совсем удачны и вносят путаницу из-за своего искусственного характера. Можно было бы их вместе с аварским называть аварскими языками, по типу лезгинских, но это тоже не до конца решает проблему. Кроме того, в исторических источниках, в отличие от лингвистических, встречаются такие написания названий андийских народностей, как багулалы, чамалалы, тиндалы, ахвахи и т.д. При образовании форм множественного числа от таких названий обычно берется не форма целиком, как в данном случае, а основа или форма единственного числа, к которой присоединяется уже суффикс множественного числа русского языка, как это имеет место в формах *андийцы, ботлихцы, годоберинцы*. Поэтому нужно писать *багвалинцы, чамалинцы, тиндинцы*.

Правильная форма названия населенного пункта Хунзахского района Ватлаич – *БакъайчИи*, а не *БакъагъечИи*. Оно стоит в одном ряду с такими названиями населенных пунктов, как *ГІахъалчИи* «Ахалчи», *ХарачИи* «Харачи», *ГІуркІачИи* «Оркачи». У этих названий не только основа андийская, но и топоформант андийский. В аварском языке нет суффиксов местного падежа *-чИи*, *-чІу*, как это имеет место во всех андийских языках. В аварском им закономерно соответствует формант *-хъ* со значением «у», «около»³.

Анализируя топонимию юго-западного ареала Дагестана, обнаруживаем, что здесь встречаются названия сел под названием «село», без указания на его атрибутивную сторону. В андийских языках форма «село» имеет общее происхождение: ахвах. *гъани*, карат. *гъана*, тинд. *гъана*, чам. *гъан*, багв. *гъан*, ботл. *гъани*, годоб. *гъани*. Сюда же можно отнести и дарг. *ши*, лак. *шаравалу*, арчин. *хоІр*, лезг. *хуър*, табас. *гъул*, *къул*, агул. *гъул*, *хІур*, цах. хив. Аварское название села – *росу* (ср. *кули*/*квели* «хутор») как будто бы не вписывается в общую систему названий сел дагестанских языков, которые содержат в себе закономерные звукосоответствия, восходящие к определенному элементу (**ж*) дагестанского праязыка. Но форма *росу* (*ро-су*), хотя и является отглагольным образованием, его корневой *с* (диал. *ш*) сопоставим с корневыми элементами данного понятия других дагестанских языков. Села (бывшие хутора) под названием *росу* в разных местных падежах имеют место в Гунибском (куядинский хутор *Росноб*) и Тляратинском (*Росода*) районах. Кроме того, названия сел *Гъонода* «Гонода» (Гунибский р-н), *Гъандихъ* «Андих» (Шамильский район) и *РичІа-гъанихъ* «Ричагани» (Цумадинский р-н) имеют общий топоформант *гъон(о)* (*гъани*) со значением «село». Южнее Гунибского района андийская топонимия не встречается. «Селами» могли называться населенные пункты, которые имели вокруг себя хутора. Центральную усадьбу, если так можно выразиться, где жили постоянно, в отличие от хуторов, используемых только в летнее время, называли «селом». Так было, видимо, у андийских народностей. Что же может означать аварское название села *росу* «село»? Это отглагольное имя существительное, образованное от многозначного глагола *босизе* (мн. ч. *росизе*) «взять, перенести, нести». Как известно, при хуторской системе хозяйствования кладбище для всех хуторов было одно и всех несли хоронить (и сейчас несут) в одно оговоренное место. По нашему мнению, *росу* – это «село», куда несут хоронить, т.е. «центральный хутор, где есть кладбище».

Микротопонимия сел Гумбетовского, Хунзахского, Унцукульского, Гергебильского, Шамильского и Гунибского районов, как и макротопонимия, содержит названия, этимология которых возможна только при помощи данных андийских языков. Особенно много подобных названий в Гумбетовском, Унцукульском и Хунзахском районах. В с. Арадерих Гумбетовского района имеют место микротопонимы *Мильяргъула* от анд. *милъи* «солнце», *Мусал далаби* от чам. *м[са* «бык» (причем форма *м[са* «бык» встречается только в чамалинском, багвалинском и тиндинском языках), что как бы косвенно говорит о том, что в селе Арадерих до прихода туда собственно аварцев могли проживать именно представители одной из названных народностей.

В связи с этим небезынтересна точка зрения Я.Г. Сулейманова, который, исследуя топонимию Хунзахского плато, пришел к выводу о том, что «представители североаварской группы говоров, в том числе и «хунз», до прихода их на современную территорию, по-видимому, должны были находиться южнее закатальских аварцев, в соседстве с цахурами [7, с. 111]. Основной упор Я.Г. Сулейманов делает на этимологию названия древнего городища *Гъалла* (ср. *Гъоло-къ* «Голотль» Шамильский р-н), которое, на его взгляд, этимологизируется на материале одного из говоров андаляльской группы, очень близкого к говору типа с. Ку-

³ Слабым местом аварской орфографии является не только написание в определенной позиции обычных согласных вместо усиленных, но и распространение этого правила на имена собственные. Вследствие этого написанное принимается за действительное, озвучивается как написано. Так, *КІкІарата* стал *КІаратІа*, *КІкІуяда* – *КІуяда*, *ЧІчІухъ* – *ЧІохъ*, *Ххунзахъ* – *Хунзахъ*. Этимология названия *ЧІчІухъ* «Чох» связана с именем существительным отглагольного происхождения *чІчІел* «стоянка», от глагола *чІчІезе* «стать, становиться, остановиться».

дали Гунибского района [7, с. 13]. Он выводит данное название от *гъар* «речка», которому закономерно соответствует в северном наречии *лъар*, с латеральным слабым спирантом в начале. По нашему мнению, топоним *Гъалла* содержит суффикс локатива **-ла**, который имеет место не только в андийских языках, но и в андаляльском диалекте, топонимии сел Гумбетовского района. В топонимии одного и того же населенного пункта имеют место формы как с сонорный **л** + ларингал **Ъ** (или сонорный **л** + фарингальный звонкий **гІ**), так и с абруптивным смычным **пІ**. Подобные топонимы встречаются на территории Цумадинского района (*ГъатІан рохъ* «роща у часовни» – с. Кеди), Гумбетовского района (*ГъатІан мархъи* «хутор с часовней», *ГъалЪани шу* «хребет с часовней» – с. Арадерих; *ПатІаналъгул шоб* «хребет с часовней» – с. Аргвани), Шамильского района (*ГъатІани кІкІал* «ущелье с часовней» – с. Датуна), Хунзахского района (*ГъатІанатІа* «над часовнями» – с. Заиб, аналогичный топоним имеется и в реестре топонимов с. Хунзах; *ГъалЪанай* «часовни» – с. Тлайлух; *ГъалЪанихъ* «у часовни» – с. Амуши; *Гъалан гохІ* «холм с часовней» и *ГъатІани кІкІал* «ущелье с часовней» – с. Орота), Гунибского района (*ГъалЪануб* «внутри часовни» – с. Шангода; *ГъатІан рухъ* «дом с часовней» – с. Ругуджа; *ГъалгІаналъгулх* «у часовни» – с. Наказух; *ГъалЪан гухІ* «холм с часовней» – с. Кудали. После принятия ислама люди продолжали осуществлять здесь культы, переосмысленные из языческих в исламские (обряд вызывания дождя, обряд прошения солнечной погоды и т.д.).

На основе изучения достаточно большого по территории региона можно сделать вывод о том, что аваро-андийские народности, имея близкородственные языки, схожую культуру и обычаи, жили в соседстве друг с другом и активно влияли друг на друга. Длительно взаимовлияние приводило к тем процессам, о которых было сказано выше. Если предки аварцев, проживающих ныне на территории Гумбетовского, Унцукульского и других названных районов, подвергли ассимиляции то население, которое жило на этой территории до них, сохранив при этом топонимию, то это означает, что это был долгий процесс, протяженностью в столетия. Большая близость морфемной структуры андаляльского, батлухского смешанного, гидского диалектов и келебского смешанного говора к андийским языкам, чем к диалектам северного наречия, говорит о том, что носители андийских языков когда-то могли контактировать именно с ними, а не с представителями салатавского и хунзахского диалектов, речь которых вместе с восточным диалектом позднее легла в основу *болмацІцІ* («общественный язык») и литературного языка. С другой стороны, между андийскими языками и диалектами северного наречия больше общих черт фонологического порядка, чем с диалектами южного наречия. На наш взгляд, здесь нужны более глубокие, комплексные исследования, которые будут призваны ответить на вопрос, что здесь первично, а что вторично. То, что все так называемые «малые народы» Дагестана находятся в периферии, а более крупные в центре, видимо, также связано с ассимиляционными процессами, происшедшими не только в обозначенном нами регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиллинг Е.М. Дагестанская экспедиция 1946 года // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. IV. М., 1978. С. 34.
2. Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965. С. 101.
3. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002. 303 с.
4. Абдуллаев И.Х. К истории ойконима Дусрах // Дагестанская ономастика. Махачкала, 1996. С. 6.
5. Михайлов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М., 1959. С. 491.
6. Агларов М.А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. Махачкала, 1998. 78 с.
7. Сулейманов Я.Г. Этимологические изыскания // Учен. зап. Института ИЯЛ. Т. XIII. Махачкала, 1964. С. 11-118.

Поступила в редакцию 15.03.2012 г.
Принята к печати 21.12.2012 г.